

UDC 94(477.54)«1943/1953»:[355.48:341.324]

Festive Commemorations as a Part of the Soviet Politics of Reminiscence of the Nazi Occupation (the Kharkov Region Case Study), 1943–1953

Iryna Y. Sklokina

D.I.Bahaliy Center for Ukrainian Studies at V.N.Karazin Kharkiv National University, Ukraine
61124, Ukraine, Kharkiv, Groznenska Str., 54, kv. 71

Assistant

E-mail: orysia2011@gmail.com

Abstract. The article presents the Nazi occupation in the public space of Soviet period, which highlighted the success of the economic recovery and motivated the population on new achievements. Specific method of occupation representation inseparably linked the urban identity of Kharkov and its Soviet character, while the celebration rituals used mostly the rhetoric of population's gratitude for liberation. This fact promoted the reintegration of the postwar society on the base of Stalinist political culture. Despite the fact that after 1948 there were no days-off in commemoration of the war, war reminiscences were celebrated at the local level during the postwar period, but they mostly related to mobilization and propaganda, rather than to recreation and entertainment.

Keywords: Soviet politics of reminiscence; commemorations; Kharkov Region; Stalinist political culture.

Введение. Официальная политика памяти о Второй мировой войне и нацистской оккупации, то есть создание, поддержание и чествование определенного образа прошлого, в послевоенное время имела значительное влияние на советское общество, а особенно на судьбы всех тех советских граждан, которые имели опыт пребывания на оккупированной территории. Политика памяти способствовала легитимации советской правящей элиты и постепенно становилась одной из основ советской идеологии. Праздничные коммеморации, то есть воспоминание событий времен войны в форме ритуализированных действий по чествованию пришлого, были одной из важных составляющих этого процесса, так как представляли собой не только орудие пропаганды, но и способ преодоления военной травмы через ритуал. Актуальность этой темы определяется не только ощутимым присутствием коммемораций войны в публичной советской культуре и их массовым характером, но также и недостаточной разработкой темы на локальном уровне.

Материалы и методы. В целом советская праздничная культура уже стала предметом активного изучения [1-7], с использованием более универсальных теоретических подходов к пониманию роли праздничных коммемораций и политических церемоний в обществе (см., в частности: [8; 9]). Однако, большинство исследований праздников сосредоточивается на довоенном периоде развития СССР, причем использует скорее культурологический подход, исследуя само явление праздника или политического ритуала. Тематика советских празднований, связанных с войной, рассматривается в исследованиях Н. Тумаркин [10], А. Вайнера [11], Д. Андреева и Г. Бордюгова [12], М. Райли [1] и других, на местном уровне тему исследовал В. Антощенко [13]. Однако, в рамках темы остается много нераскрытых аспектов, и далеко не всегда к ее рассмотрению привлекается архивный материал. Эта статья ставит своей целью проследить связь коммемораций конкретных событий пришлого, а именно оккупации Харьковщины, со сталинской политикой памяти и послевоенным восстановлением в широком смысле. Источниковая база нашего исследования включает как архивные материалы, главным образом фонды местных партийных организаций [14; 15], радиовещания [16], так и материалы прессы и публицистики [17; 18; 19].

Обсуждение. На Харьковщине коммеморации, связанные с темой нацистской оккупации, происходили в связи с годовщинами освобождения главного города области 23 августа и Дня победы 9 мая. Показательно, что все документы партийных органов, в которых давались конкретные указания по поводу организации празднований, были

секретными, очевидно, из тех соображений, что мероприятия по чествованию памяти о войне должны были представлять как «народная» инициатива, а не как полностью спланированные и руководимые сверху акции.

В первые послевоенные годы день освобождения от оккупантов воспринимался как дата, к которой следует подвести результаты хозяйственного года (что было сделано для восстановления Харьковщины с момента освобождения). В 1944 г. первый секретарь обкома партии В. Чураев рекомендовал секретарям райкома партии «провести этот день под знаком политической мобилизации трудящихся на решение военно-политических и хозяйственных задач всесторонней помощи фронту». По радио обязательно транслировалось выступление одного из секретарей обкома, в котором давался небольшой экскурс в военное время, но в основном раскрывались хозяйственные успехи и планы, описывалось состояние различных предприятий и хозяйств [16]. На всех предприятиях, хозяйствах и учреждениях 22 и 23 августа 1944 г. следовало провести торжественные собрания с докладами «Харьковщина за год», где осветить «героическую борьбу Красной Армии, советского народа против немецко-фашистских оккупантов, достижения Харьковщины и района за год, борьбу харьковчан против немцев, роль парторганизаций в организации и руководстве этой борьбой, помощь правительства и братских народов в возрождении хозяйства и культуры области, очередные задачи района» [14. Оп. 2. Д. 340. Л. 62]. Важной составляющей такого празднования было развертывание социалистического соревнования. Еще одна своеобразная форма чествования – сельскохозяйственная выставка на площади Дзержинского (главной и самой большой площади города), которая должна была символизировать изобилие и благоденствие в противовес голоду и страданиям периода оккупации. Такая же выставка была организована и в годовщину 1945 г. [14. Оп. 1. Д. 571. Л. 179–180].

В 1946 г. наряду с указанными выше мероприятиями, направленными скорее на мобилизацию трудового энтузиазма населения, его «идеологической бдительности», были также и мероприятия развлекательного характера, которые должны были отображать социалистический оптимизм, энтузиазм и радость граждан сталинского СССР. На площадях Харькова и в саду Т. Шевченко 9 мая 1946 г. происходили массовые народные гуляния, проходили концерты, на которых, среди прочего, выступали 300 участников художественной самодеятельности [20. Оп. 1. Д. 28. С. 15]. В том же году в связи с празднованием третьей годовщины освобождения Харькова были организованы концерты на площади Дзержинского, а 24 августа – карнавал в парке культуры имени Горького, причем количество посетителей этих мероприятий оценивалась в 25 тыс. чел. [20. Оп. 1. Д. 28. Л. 150б]. Народные гуляния в Харьковской области проводились в день перед 9 мая, а собственно в День победы происходили митинги и выступления самодеятельных коллективов. В Валковском районе 8 мая было организовано народное гуляние, продолжающееся до полуночи.

В 1947 г. целью празднования в формулировке партийных органов было «почтить одну из многочисленных величественных побед нашей доблестной СА в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, а также демонстрация успешной борьбы трудящихся Харьковской области по восстановлению разрушенного нацистскими оккупантами хозяйства»; следовало встретить этот день развертыванием социалистического соревнования, выполнением сообразительств, комитеты партии должны были провести проверку их выполнения. Проводились лекции и беседы о восстановлении, встречи с участниками боев, ознакомление трудящихся с деятельностью большевистского подполья на Харьковщине во время оккупации. Галереи портретов лучших стахановцев устанавливались во всех областных и районных центрах партийными комитетами, согласно духу тогдашнего культа личности, не только главного «вождя народов», но и на всех уровнях. На всех предприятиях, колхозах, МТС должны были происходить торжественные собрания трудящихся. Происходили также и «народные гуляния», хотя и в послерабочее время [14. Оп. 2. Д. 1171. Л. 2–4]. Тематика лекций, предлагавшихся к этому дню, содержала наиболее общие темы, которые можно было освещать на общих для всего СССР основах, хотя и с местным колоритом; они были ориентированы не только на освещение событий времен войны, сколько определенных идеологем: «Партия Ленина-Сталина – организатор побед советского народа», «В братском содружестве СССР расцветает Советская Украина», «Почему победил Советский Союз в

Великой Отечественной войне?». В 1947 г. все еще оставались и более конкретные темы, связанные с темой оккупации: «Какой вред принесли немецко-фашистские мерзавцы народному хозяйству Украины», «Зверства немецко-фашистских бандитов на Украине и в частности на Харьковщине». Эта оккупационная тема была тесно связана также еще с одним блоком лекций, посвященных восстановлению: «Харьковщина в четвертой сталинской пятилетке», «Задачи восстановления сельского хозяйства», «Харьковщина за четыре года после освобождения», «Какой будет Советская Украина в конце новой пятилетки» и т.п. Соединение тем современных с темой оккупационных разрушений фактически было объяснительной стратегией: описание военных разрушений и нанесенного государству вреда (который полностью списывался именно на сторону оккупантов) служил объяснением того факта, что уровень жизни оставался чрезвычайно низким, а от населения требовались сверхусилия, особенно по восстановлению тяжелой и военной индустрии. Именно жестокость оккупационного режима, образ оккупации как только лишь сплошного разрушения (что замалчивало попытки восстановления хозяйства и коллаборацию значительной части населения), служила универсальным оправданием хозяйственных просчетов послевоенного руководства, голода, нещадной эксплуатации населения и ориентации восстановления на тяжелую промышленность, а не на рост жизненного уровня. Именно «благодарность» (причем лично Сталину и его руководству, а не «ветеранам», что стало более характерным в брежневский период) стала одной из основных риторических фигур, задающих модус отношений между населением и руководством государства, между отдельными «братскими народами» и т.д. Определение роли разных народов в войне было дано И. Сталиным в широкоизвестном тосте «за здоровье русского народа», произнесенном на приеме в Кремле в честь командующих войсками 24 мая 1945 г., где русский народ был назван «руководящим» народом, заслужившим всеобщее признание в войне, «наиболее выдающейся нацией среди всех наций, входящих в состав СССР» [19, с. 196]. Это выступление, широко цитируемое в сталинский период, стало подосновой признания руководящей роли русского народа в освобождении народов, оказавшихся под оккупацией, в том числе украинского (см. в т.ч. [19, с. 56]), что приводило в действие механизм публичных ритуалов по высказыванию благодарности «великому русскому народу» от всех остальных народов. Важную роль именно публичного высказывания благодарности в символическом пространстве советского общества, его цементирующую роль отмечает в своей работе Дж. Брукс [3].

Именно этот мотив благодарности в связи с ростом благосостояния советских людей стал одним из главных в позднесоветское время. К тому же окончательно установилась традиция, что именно руководители партийных и советских органов имеют право рассказывать как о разрушениях и преступлениях периода оккупации, так и о славных достижениях восстановления, что создавало впечатление, что именно руководящие лица «ведает чаяния и беды народа», являются истинными носителями знаний о прошлом, а также о будущем, заложенном в планах социалистического строительства.

Зная этот контекст, а также учитывая голод, разразившийся в 1946–1947 гг., сложно трактовать как развлекательные празднования 9 мая 1947 г., когда на концерте в Харькове был собран массовый хор на 6 тыс. (!) чел., в который кроме кружков художественной самодеятельности были привлечены студенты харьковских вузов. Всего в праздновании Дня Победы в Харькове приняли участие 30 драматических, 87 хоровых, 27 музыкальных и 19 хореографических групп и ансамблей, а по области, соответственно, 357 драматических, 687 хоровых, 35 музыкальных и 44 танцевальных коллективов [20. Оп. 1. Д. 42. Л. 103в]. Тут скорее можно говорить об организации чрезвычайно массовых и помпезных мероприятий для своеобразного разыгрывания ритуала власти, для адресованного высшему руководству подтверждения того, какой счастливой является жизнь «народных масс» в СССР.

В современных исследованиях распространенным является утверждение, что провозглашение дня Победы с 1948 г. обычным рабочим днем означало тенденцию нарастания замалчивания военной памяти, переход к более репрессивной политике касательно памяти о войне и касательно послевоенных ожиданий населения [см., в частности, 21]. Однако, сам факт отмены выходного дня можно объяснить скорее жесткой экономической политикой, которая диктовала максимальное использование трудовых

ресурсов. В том же году выходным днем стал праздник Нового года 1 января, и соответственно для компенсации этого нового выходного был провозглашен рабочим день 9 мая. По крайней мере на низовом уровне празднования, связанные с войной, сохранились и после 1947 г. Вряд ли можно однозначно трактовать объявление выходным днем 9 мая 1965 г. только как «начало» культа памяти о войне и ставку именно на нее в новой брежневской идеологической конструкции. Именно в 1965 г. выходным днем был провозглашен также день 8 марта, хотя вряд ли можно подозревать, что новое брежневское руководство делало на женщин какую-то особенную ставку в своей доктрине. С нашей точки зрения, речь идет также о вхождении СССР в эпоху общества потребления, для которого характерно значительное увеличение досуга, отдыха и праздников. Широкомасштабные празднования, связанные с чествованием памяти о Великой Отечественной войне, с одной стороны, были отображением стремления власти найти дополнительные идеологические инструменты самолегитимации, а с другой стороны – выступали как удовлетворение растущих потребностей «советских людей» в праздниках и развлечениях, дополнительном досуге в условиях возрастания доходов и свободного времени. Кроме того, дальнейшее наступление атеистической пропаганды имело последствием создание своеобразного советского варианта современной секулярной религиозности – культа «священной (Великой Отечественной) войны» с ее героями и мучениками. На местном уровне празднования, связанные с войной, сохранялись на протяжении всего послевоенного времени.

Так, в 1949 и 1950 гг. Харьковский горком партии к шестой и седьмой годовщине освобождения организовывал такие мероприятия, как экскурсии трудящихся на места боев и «самых выдающихся событий деятельности подпольных организаций во время немецкой оккупации», встречи с участниками борьбы за освобождение (которые должны были происходить на рабочих местах, то есть «без отрыва от производства»); в парке М. Горького и Т.Г. Шевченко следовало разместить портреты стахановцев, выдающихся ученых, лауреатов сталинской премии, а также героев-партизан и подпольщиков; к празднику следовало убрать возле могил и памятников и «украсить их цветами», а в день праздника провести там митинги (заметим, что в это время еще не было обязательной для позднесоветского времени традиции возлагания цветов именно от райкомов и обкомов партии, то есть украшение цветами представлялось как «народная» инициатива, а не ритуал благодарности от партии-продолжателя дела погибших героев).

Кроме этих мероприятий, которые все же отсылали к реальным событиям периода оккупации и к конкретным действующим лицам того времени, много «праздничных» мероприятий имели чисто мобилизационный характер и не отсылали к памяти вообще: доклады о развитии хозяйства, отчеты о выполнении соцобязательств, наглядная агитация о выполнении пятилетки и роли города в борьбе за урожай. Никуда не исчезли в конце 1940-х – в начале 1950-х гг. также и народные гуляния с выступлениями художественной самодеятельности и физкультурников, проводились детские праздники на детских площадках и в парках [20. Оп. 5. Д. 25. Л. 124–125; Д. 27. Л. 106–107; Д. 71. Л. 82–84].

Результаты. Как видим, в это время празднования имели целью скорее пробуждение трудового энтузиазма, мобилизованности, и фактически не напоминали о конкретных событиях периода войны. Скорее наоборот, обобщенные идеологические тексты лекций и выступлений способствовали скорее забвению конкретных событий, выводили опыт на уровень обобщения, отсылали к коллективному. В это время мы не встречаем практики представления именно индивидуального опыта отдельных очевидцев или участников событий в публичном пространстве, наоборот, лекторы и докладчики (даже если они имели личный опыт участия в войне) были обязаны излагать наиболее обобщенный материал, воспроизводить картину массовых событий; кроме того, в сталинское время было гораздо безопаснее не вдаваться в подробности личного опыта, но руководствоваться официально одобренными текстами и цитатами (что выразительно видно также на примерах музейных экспозиций, радиопередач, художественных произведений; об этой особенности сталинского времени также см. [22; 23]). Обстановка «ждановщины» с 1946 г. только способствовала избеганию воспоминаний.

Фактически, особенно с начала 1950-х гг. сталинская политика памяти о войне была скорее политикой забвения, представляя публично в основном только наиболее обобщенные утверждения, унифицируя память в стандартных материальных формах, а

также культивируя ориентацию на будущее, а не на прошлое. Таким образом, война и оккупация служили скорее точкой отсчета, определенным «временем 0», от которого начиналось новое славное будущее. Коммеморации войны в ритуализированных формах способствовали «погребению» прошлого. Общий их тон был скорее сдержанным и не способствовал пробуждению эмоций, ведь переживания все еще были слишком сильными и травматичными. Ориентация на будущее, на построение коммунизма как в сталинское, так и в хрущевское время отображала стремление режима к преобразованию реальности, мощную направленность на будущее развитие, в отличие от брежневского времени, для которого культ войны был уже ориентацией на прошлое, на бесконечное прославление уже достигнутого, когда «самый выдающийся подвиг советского народа» уже оставался в прошлом. И отчасти это объясняет кризис и крах режима, его стагнацию, ведь советская идеология утратила свою активную преобразовательную направленность.

Праздничные речи руководителей, составлявшие неотъемлемую часть празднований, собраний трудящихся, обязательно представляли оккупацию исключительно как полную деструкцию. Распространенной стала публикация в газетах [17; 18] фото разрушений периода оккупации (часто и вызванные отступающей советской армией или боевыми действиями вообще) и фото тех же объектов уже после восстановления. Представление оккупации исключительно как деструкции, в рамках которой невозможно было видение повседневности, имела целью среди прочего отрицание самой возможности существования Харькова как города вне советского контекста. Не случайно многочисленные стихотворения и другие литературные произведения о Харькове в послевоенной прессе [17; 18] и радиопередачах [16] часто поддерживали незначительность до-советского периода развития города и соответственное величие социалистического строительства. Точно так же послевоенная реконструкция должна была означать новое создание городской идентичности Харькова, который под оккупацией был отброшен на примитивную стадию существования. Именно такую тесную связь идентичности Харькова как собственно города и его советскости должны были среди прочего воплощать коммеморации военных побед.

Очевидна также тесная связь политики памяти о войне в эти годы с культом личности И. Сталина, который представлялся как «руководитель побед» и тот, кто полностью контролировал ход происходящего. Именно книга Сталина, а фактически сборник речей и указов «О Великой Отечественной войне Советского Союза», заложила основы видения всего хода войны и источников победы над нацизмом на весь советский период [19]. В том числе и поэтому тематика оккупации была несколько проблемной, ведь в рамках освещения этой темы основным актором не могла быть компартия и ее вождь. Именно тесная связь культа Сталина и военной памяти обусловила тот факт, что первые годы после его смерти статус празднования Дня победы был несколько неопределенным, ни в газетах, ни на радио не было отведено существенного места этой теме; особенно выразительно это проявилось 9 мая 1955 г., фактически в преддверии развенчания культа личности [12, с. 119–121].

Заключение. Таким образом, официальная советская политика памяти о войне и оккупации в первое послевоенное десятилетие радикально отличалась от позднесоветского времени, когда память о войне стала ассоциироваться прежде всего с чествованием ветеранов, а также практиками семейного отдыха, межпоколенной коммуникации, и представления в публичном пространстве личного опыта переживших войну. В сталинский период связанные с войной коммеморации способствовали прежде всего реинтеграции постоккупационного общества на основах сталинской политической культуры с ее риторикой «благодарности», а также реконструкции городской идентичности Харькова как советского города.

Примечания:

1. Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
2. Binns Ch. A. P. *The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part II*//Man. New Series. 1980. Vol. 15. № 1 (March). Pp. 170–187.
3. Brooks J. *Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton: Princeton University Press, 1999. 344 p.

4. Lane C. Legitimacy and Power in the Soviet Union Through Socialist Ritual / C. Lane //British Journal of Political Science. 1984. Vol. 14. № 2. Pp. 207-217.
5. Lane C. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society – the Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 320 p.
6. Petrone K. “Life has become more joyous, comrades”. Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 280 p.
7. Riley M. Stolen Victories: Evaluating the War Cult in Soviet Russia [Электронный ресурс]. URL: <http://ouhj.gileadbroad.com/uploads/Riley-Stolen-Victories.pdf> (дата обращения 3.02.2013).
8. Ashplant T.G. The Politics of War Memory and Commemoration: Contexts, Structures, and Dynamics/T.G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper//The Politics of War Memory and Commemoration/Ed. by T.G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper. London: Taylor and Francis, 2000. Pp. 3–86.
9. Kertzer D. Ritual, Politics and Power. Yale: Yale University Press, 1988. 235 p.
10. Tumarkin N. The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of WWII in Russia. New York: Basic Books, 1994. 264 p.
11. Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 432 p.
12. Андреев Д. Пространство памяти: Великая Победа и власть/Д. Андреев, Г. Бордюгов//60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (Москва, сентябрь 2005) / Ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М., 2005. С. 113-146.
13. Антощенко В. Создание монументальной основы ритуализации празднования Победы в Великой Отечественной войне в г. Петрозаводске [Электронный ресурс]. URL: [// www.petrus.ru/Faculties/History/Lab_visual/CMO.doc](http://www.petrus.ru/Faculties/History/Lab_visual/CMO.doc) (дата обращения: 20.04.2013).
14. Державний архів Харківської області. Ф. П-2 – Харьковский областной комитет Коммунистической партии Украины.
15. Державний архів Харківської області. Ф. П-69 – Харьковский городской комитет Коммунистической партии Украины.
16. Державний архів Харківської області. Ф. Р-5767 – Харьковский областной комитет по вопросам радиовещания при Харьковском облисполкоме.
17. Красное знамя. Орган Харьковского областного комитета КПУ.
18. Соціалістична Харківщина. Орган Харківського обласного комітету Комуністичної партії України та Харківської обласної ради народних депутатів трудящих.
19. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1950. 110 с.
20. Державний архів Харківської області. Ф. Р-5775 – Харьковский областной дом народного творчества.
21. Портнов А. «Велика Вітчизняна війна» в політиках пам'яті Білорусі, Молдови та України: Кілька порівняльних спостережень//Україна Модерна. 2010. Вып. 4 (15): Пам'ять як поле змагань. С. 206–218.
22. Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: НЛО, 2002. 384 с.
23. Добренко Е. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический навратив. М.: НЛО, 2008. 424 с.

УДК 94(477.54)«1943/1953»:[355.48:341.324]

Праздничные коммеморации как составляющая официальной советской политики памяти о нацистской оккупации (на материалах Харьковской области), 1943–1953 гг.

Ирина Евгеньевна Склокина

Центр украинских студий им. Д.И.Багалей Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Украина

61124, Украина, Харьков, ул. Грозненская, 54, кв. 71
Сотрудник
E-mail: orysia2011@gmail.com

Аннотация. Представление темы оккупации в публичном пространстве в советское время служило подчеркиванию успехов восстановления хозяйства и мобилизации населения на новые достижения. Специфическая подача темы оккупации неразрывно связывала городскую идентичность Харькова и его советскость, а ритуалы празднований руководствовались прежде всего риторикой благодарности населения за освобождение, что способствовало реинтеграции послевоенного общества на сновах сталинской политической культуры. Несмотря на то, что после 1948 г. не было связанных с памятью о войне выходных дней, коммеморации, связанные с войной, на локальном уровне сохранялись на протяжении всего послевоенного периода, так как были связаны не столько с отдыхом и развлечениями, сколько с мобилизацией и пропагандой.

Ключевые слова: советская политика памяти; коммеморации; Харьковская область; сталинская политическая культура.